

Таким образом, изучение только рукописных текстов Задонщины не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях Сказания о Мамаевом побоище появились отражения Задонщины? Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов Сказания. Автор единственного большого исследования об этом памятнике (С. Шамбинаго) признает и сам свои выводы, сделанные в 1906 г., устарелыми.¹ С другой стороны, в свете разысканий о первоначальном составе Сказания и его дальнейшей судьбе в рукописной традиции выяснится и отношение его к Летописной повести о Куликовской битве, в частности к тому ее эпизоду, который заканчивает полную редакцию Задонщины.

В итоге, несомненно принадлежащей Софонии мы можем считать пока лишь ту центральную часть Задонщины, которая опирается на поэтический план и стилистику Слова о полку Игореве; с некоторой долей вероятности ему же можем приписать составление предисловия с отголосками Повести временных лет и, по какому-то народному преданию, рассказа о бегстве Мамаю, без нравоучительных сентенций.

Внутри центральной части Задонщины замечаются, однако, явно вторичные вставки в основной текст. Их вторичность доказывается обычно тем, что они разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения. При установлении авторского текста Софонии необходимо устранить эти вставки.

Восстанавливая наиболее близкий к первоначальному вид этого авторского текста Софонии, мы вправе учитывать не только показания сохранившихся списков Задонщины (и цитат из нее в Сказании), но и текст Слова о полку Игореве. Дальнейшее изложение покажет, что с помощью Задонщины могут быть оправданы некоторые поправки исследователей, предложенные ими к первому изданию Слова.

В последние годы сделана неудачная попытка пересмотреть прочно сложившееся в науке представление о соотношении текстов Задонщины и Слова о полку Игореве. Задонщина была объявлена оригинальным памятником, который в конце XVIII в. был переделан неизвестным фальсификатором в псевдо-древнее Слово о полку Игореве. Совпадения Задонщины со Словом истолковываются в свете такого утверждения как доказательство того, что Слово есть переделка Задонщины; чтения Задонщины всегда объявляются более древними. Ввиду того, что такая точка зрения в западной науке имеет хоть и немногочисленных, но упорных сторонников, останавлиюсь подробнее на ее разборе.

¹ См. статью о Сказании в „Истории русской литературы“ (т. II, ч. I, М.—Л., 1946, стр. 215).